

Вот она благодарность

Александр Шипицын

Мне было скверно. Похмелье я всегда переносил тяжело. Все потому, что никогда не останавливался на одном напитке. Что наливали - то и пил. Сегодня же, пробуждение было просто ужасным. Через минуту тошнота, головная боль и дрожь в диафрагме, все симптомы жуткого похмелья, съезжились, и, не исчезая совсем, спрятались в тень черной глыбы всплывшей в мозгу. Черная глыба, это проблема, которую я нажил вчера.

Проблема, которая решалась только ценой моей крови, или карьеры, что для меня было равнозначно.

Спокойно! Восстанавливаем ситуацию. Вначале мы выпили бутылку коньяка со Стасом. Так? И поволоклись в дом офицеров на танцы. Там я Стаса потерял, но встретил Шуру Кабанова. О, великий Боже! Мы с ним в буфете выдули три бутылки "Агдама"! Естественно, с одной шоколадкой на двоих. Вот это пренебрежение закуской, когда ни будь, погубит меня! Если уже не погубило. Потом кто-то волок меня по улице. Ну? А я еще орал: - А ты кто такой? Замполит эскадрильи? Ну и что, что ты замполит? А не пошел бы ты на (или в...?) +! Матерь Божия! Неужели послал? Тогда все! Тогда моя песенка спета! Он же, гад, такой обидчивый.

У входа в летнюю столовую стояли Стас и Шура Кабанов. Они уже позавтракали и

курили. Конечно, они могли себе это позволить, наслаждаться табачным дымом, от одного запаха которого, меня мутило. Стас, видно, ограничился вчера коньяком, а Шура - "Агдамом". И только я, идиот, наглотался и там, и тут. Увидев меня, Стас весело захохотал. Он, веселый человек, всегда стойко и с юмором переносил неприятности, выпадавшие на долю других:

- Ну, что, герой, когда Стрешнева бить будешь? - вместо приветствия радостно выпалил он.

- Почему бить? - похолодел я, - Разве я не ограничился указанием ему курса дальнейшего следования?

- Ха, ха-ха! - ликованию Стаса не было границ, - ты не только посылаешь его в различные инстанции, но и порывался ему рожу начистить.

-Боже! Ну почему я не умер вчера?! А что еще такого, э-э,антисоциального, я успел совершить вчера?

- Тебе что, этого мало? Послать прилюдно замполита эскадрильи да еще норовить побить его, это, знаете, батенька, потянет на хо-о-рошую государственную измену. Но ничего-ничего, посидишь на гауптической вахте недельку-другую, другим человеком станешь. Не будешь все один пить, - в голосе Стаса звучало неприкрытое злорадство, - почему меня не позвал? Тебе бы меньше досталось. Был бы сегодня совсем на человека похож.

Я с надеждой посмотрел на Шуру. Как все художники, он был немногословен, и только сочувственно и печально глядел на меня.

Шура, в авиации человек случайный. Окончил подмосковный институт как мирмеколог. То есть спец по муравьям. Поразительно, как при столь необычной квалификации, военная кафедра его института, готовила штурманов для морской ракетноносной авиации? Что может быть общего между распространителем мурашек по белу свету и грозной ударной силой флота? Разве что мурашки, ползающие по спине супостата при упоминании о нашем

роде сил. Кроме того, Шура был художником от Бога. Его портрет лошади с голубыми глазами был настоящим шедевром.

Обычно, хватив лишку, он впадал в безграничную доброту и раздаривал свои картины и статуэтки любому, кому посчастливилось в этот момент оказаться с ним рядом. Но к его чести, будет сказано, обладая хорошей зрительной памятью художника, он, по утрам, еще до ухода на службу, обходил всех своих вчерашних собутыльников и забирал подарки обратно. Один я всегда отказывался от даров его, хотя однажды он, со слезами на глазах, хотел подарить мне портрет необычной лошади. И дело тут не в том, что я знал, утром он портрет заберет. Я искренне надеялся, когда ни будь, он накопит достаточное количество работ, и мы устроим выставку, а я тоже погреемся в лучах его славы. Сегодня Шура был спокоен. Значит, его картинная галерея не пострадала.

Стас оказался прав. Когда первое на неделе построение окончилось, и командир полка передал бразды правления командирам эскадрилий, наш зверюга объявил:

- Прапорщики и сверхсрочники, выйти из строя! Офицерам остаться! Сердце у меня ухнуло и покатило, куда то вниз. Кровь отхлынула от щек моих. Ох уж эта щадящая субординация! Формально, прапорщики и сверхсрочники из строя удалены, якобы для того, чтобы не слышать, как сейчас с меня, офицера, будут шкуру спускать. На деле же, они, курящие неподалеку, все слышат, и происходящее будет для них, отнюдь не тайной, а темой разговоров на весь день. При этом появятся такие подробности, о которых ни я, ни охаянный мной замполит и слыхом не слыхали. Впрочем, какая мне теперь разница?

- Лейтенант Никишин!

- Я! - это я о себе.

- Выйти из строя!

- Есть! - земля качалась под ногами, когда я строевым шагом вышел и встал перед эскадрилей.

- Вот, полюбуйте! - пригласил командир, известный в полку как моральный садист. Эскадрилья молча любовалась. Особенно радовались те, на кого любовались в прошлый понедельник, теперь их подвиги как-то потускнели в свете предстоящего бичевания,

- Еще и года не прошло после выпуска, а он себя уже зарекомендовал как забулдыга и пьяница. Вот и вчера... Впрочем, майор Стрешнев, пожалуйста, доложите коллективу, что вчера произошло.

Замполит вышел из строя и стал рядом со мной. Я всегда испытывал к нему искреннюю симпатию. Когда мы пришли в полк, только он один проявил к нам человеческую доброжелательность. Мы - штурманы-выпускники, которых судьба забросила в этот отдаленный гарнизон. Двое из нас оказались незаметными и порядочными офицерами, а вот я как-то умудрился стать паршивой овцой. По прошествии полугода командир полка спросил Матяша, одного из нас, как его фамилия, и, когда тот ответил, задумчиво произнес: "Ты, парень, наверное, хороший офицер, раз я про тебя до сих пор ничего не слышал". Мою фамилию он запомнил лучше, чем мне бы хотелось. Было очень стыдно перед Стрешневым, но что случилось, то случилось. С неподвижным от обиды лицом, он приступил:

- Вы вчера, - начал он, не глядя на меня, - спросили, кто я такой? Я отвечаю. Я заместитель командира эскадрильи по политической части, ваш непосредственный начальник, человек, который, по возрасту, годится вам в

отцы. И вы, нажравшись вина, позволили себе, матом, я повторяю, матом поливать старшего по званию. Моему раскаянию не было границ. Я даже не заметил как моя, вначале гордо поднятая, как у плененного варварами римлянина, голова склонилась под тяжестью справедливых обвинений. Стрешнев продолжал, и каждое его слово больно резало мое самолюбие. Очевидно, он это заметил и, щадя меня, выкинул из списка моих злодеяний поползновение на физическую расправу. Я был ему безгранично благодарен даже за это. Когда бичевание моих пороков со стороны замполита закончилось, за меня снова взялся комэск. Он не уговаривал и не убеждал меня. Кратко обрисовав жуткую служебную перспективу, меня ожидающую, он двумя-тремя грубыми мазками изобразил мой социальный и служебный портрет. Экзекуция была завершена приговором:

- Трое суток ареста с содержанием на гауптвахте. Стать в строй!

- Есть!

- Командир экипажа! Сегодня же посадить!

Гарнизонная гауптвахта принимала новых постояльцев только после двух часов дня. Командир экипажа Саша Нос, оценив ситуацию, повлек меня к себе домой сразу после построения.

- Грех не воспользоваться таким случаем. - глядя куда-то в сторону, пояснил он мне, - Оно нам надо, на аэродроме торчать? Ни полетов, ни подготовки сегодня нет. Пошли ко мне, похмелимся.

Саша был как всегда искренен и гостеприимен. Нос - это у него не фамилия, а что-то наподобие авиационного псевдонима. Язык не поворачивается кличкой назвать. Получил он этот псевдоним за солидную величину и благородный вид своего обонятельного органа. А также за удивительную способность предвидеть, когда можно безнаказанно выпить, а когда нет.

- Что ты, командир? Я после вчерашнего в жизни капли в рот не возьму.

- Э-э! Брось, ты! Пить надо в меру, как сказал Джавахарлал Неру. Причем, регулярно. Наш командир полка, всегда говорит: "Если летчик не пьет, он или больной или шпион. И нам такие - не нужны". Светиться не надо. Квакнул рюмашку, другую, и в тину. А ты, тоже мне, орел! Замполита посылать в такие места не следует. Наш еще порядочный мужик, Суляк бы тебя и в политической близорукости обвинил, и еще спросил бы тебя: "А вы вообще, на чью мельницу воду льете?", да еще бы в политотдел затаскал.

Суляк - замполит третьей эскадрильи, славился занудливым характером и исключительной политической бдительностью. Если кто в его эскадрилье не желал подписываться на "Правду", "Коммунист Вооруженных Сил" или, там, на какой-нибудь "Блокнот агитатора", тут же на свет божий извлекался тезис о, неизвестно кому принадлежащих, мельницах. После этого экономный офицер становился предметом пристального внимания партийной организации, о чем его постоянно уведомляли на всех партсобраниях. О подобных, вопиющих фактах, майор Суляк помнил долго. Бывало, и через три года он мог, при определении дальнейшей судьбы офицера, подбросить аргумент, который склонял, обычно колеблющиеся, чаши весов в нежелательную, для обсуждаемого, сторону.

- Ты, это... Дуй за бутылкой и ко мне. Там обсудим, что и как.

Дома у Саши я пить не стал, и правильно сделал. Когда я, в одиночестве, прибыл на гауптвахту, меня встретил не старший лейтенант Пенкин, помощник коменданта и начальник гауптвахты, как это обычно в таких случаях бывает, а его помощник, прапорщик Парфенов, такая же, как и его начальник, редкая

скотина. Обрадованный появлением офицера в зоне его юрисдикции, он тут же отправил меня стричься. Только после тщательного осмотра результатов выполнения его приказа, он соблаговолил принять меня под арест.

В камере, рассчитанной на трех человек, за непокрытым дощатым столом, сидел и разгадывал в "Огоньке" кроссворд, никто иной, как сам, старший лейтенант Пенкин, собственной персоной. Вначале я решил, что он попросту проверяет правильность выполнения ритуала ареста своим заместителем, или пользуется, случаем, что бы скрыться минут на десять от своего начальника, коменданта. Все оказалось просто невероятным. Пенкин, гроза младших офицеров гарнизона, редкая скотина и закладушник, дивизионный лизоблюд и протеже самого генерала, уже пятнадцатые сутки томился на собственной гауптвахте! И ничто не предвещало, что он собирается в ближайшее время ее покинуть. Он искренне обрадовался моему заточению. Как выяснилось, Пенкин уже давно находится здесь в гордом одиночестве.

В следующие десять минут я уже укорял себя за то, что был плохого мнения о таком достойном, милом человеке. Мы познакомились. Я-то его хорошо знал, по разводам патруля, а он меня - едва ли. Как-то, на одном из разводов, он долго и придирчиво осматривал форму заступающих патрульных. Затем задал обычный вопрос:

- Кто из матросов в первый раз заступает в патруль?

Матросы, опасаясь дополнительных проверок и инструктажей, дружно молчали.

- Так, что? Все уже были в патруле? - он справился по журналу патрульной службы,

- И, что, матрос Ж...пин, тоже, уже бывал в патруле?

- Попа, - неуверенно поправил один из матросов, предки которого происходили, очевидно, из молдавских священнослужителей.

- А! Попа, ж...па, какая разница! - проявил свое чувство юмора Пенкин. Он весело посмеялся, призывая офицеров разделить с ним необычность ситуации. Я тогда тоже весело смеялся, но он меня вряд ли запомнил. Теперь мы были с ним на равных. Мы валялись на койках в верхней одежде и курили прямо в камере. Вместо положенного изучения уставов и пребывания в раскаянии, мы играли в "балду", "Пять крестов" и, даже, в домино, отнятое у резервного патруля. Если бы Пенкин не сидел вместе со мной, а сам застал бы меня с кем-то другим за этими занятиями, срок моего заточения, несомненно, удвоился.

Опальный начальник, искушенный в порядках, принятых на его гауптвахте, гонял

караульных, которые как-то не по правилам подали нам обед, то есть, не выловили, для нас двоих, все мясо из скудного арестантского пайка, предназначенного всем арестованным. Он вызвал начальника караула, отругал его за это упущение, и заставил прислать матроса вымыть полы. Проявляя требовательность, доходящую до тирании, он всячески старался воспользоваться своим положением, что бы обеспечить нам максимальный комфорт. При этом он заботился обо мне ничуть не меньше, чем о себе.

Мы вели душевные беседы. Он с первых минут нашего знакомства поинтересовался причиной моего низвержения в узилище.

- А-а! Не переживай, - авторитетно заявил он. - Правильно сделал, что послал. С замполитами дело обстоит также как с индейцами. Хороший замполит - это мертвый замполит. У меня почти та же история.

- Слава, - уже по имени, на другой день, спросил я его, - а тебя, на какой срок посадили?

- На тридцать!

- Ни бе себе! На тридцать суток!? - я, конечно, не большой знаток дисциплинарного устава, но мне всегда казалось, что офицера нельзя посадить больше чем на пятнадцать суток, - Слышь, Слав, а ты, случайно, не под следствием?

- Да какое там следствие! - он махнул рукой, - у нас как захотят, так и сделают. За последние три месяца меня так задолбали, волком выть хочется. Не то что бы выходной или отгул получить. Двух часов в сутки поспать не давали. Я здесь, на "губе", хоть выспался за эти две недели. И все бы ничего, только генерал пригрозил в Приморье перевести, а там не льготный район. Тогда, прощай Крым. А у меня в Саках квартира и дача. Здесь хоть надежда была: в Крым вернуться. Все-таки тут переводной район, а ну как туда, поближе к китайцам, загонит. Служить мне тогда, как медному котелку, до самого дембеля, здесь, на Тихоокеанском флоте, - унылое лицо его выражало тоску по утраченному крымскому раю. Я, в силу своей неискушенности, не понимал всех прелестей Крыма. Об этом полуострове в морской авиации говаривали, что это кусок дерьма, с юга обмазанный медом. Ведь здесь на Тихоокеанском флоте и платили в два раза больше, и перспективы значительнее. Не понимал, но сочувствие, необходимое в таких случаях, проявлял. Это его поддержало, и он, с горечью и досадой, рассказал мне историю своего заточения.

- Задолбали они меня, - горестно повторил он, - третий месяц, как река вскрылась, нет мне ни покоя, ни отдыха. Днем, с восьми утра, как все, на службе. Комендант меня раньше семи вечера не отпускает. Сам знаешь, в шесть только развод начинается. Не успею домой прийти, как уже из дивизии звонят: - Пенкин, на рыбалку! Я, ты, наверное, слышал, классный рыбак. Или из Владика кто приехал, или нашим козлам из дивизии, порыбачить охота припала. Но главное, это заготовка икры и рыбы на все дивизионное начальство, на полковых и на нашу комендатуру. Да их родственникам на запад передать, да во Владивосток, да в Москву. Кому рыбалка удовольствие, а для меня - тяжкий труд. Ты думаешь, Васькову-то, почему так быстро полковника дали? Мешок копченой семы во Владивосток, бочонок икры в Москву, шершавого, то есть осетра, главному, ну, там, и клеркам в министерстве, по рыбешке. Вот наш-то замкомдив и получил полковника досрочно. А кто наловил и приготовил? Да я, с прапорами. А уж как Васьков поблагодарил меня, - его голос наполнился жгучей иронией, - Спасибо, говорит, товарищ Пенкин, я твой должник. Ага! Третий год должник. Хоть бы словечко за меня замолвил. Нужна мне такая благодарность!? Прапоров после рыбалки домой отпускают, а без меня обойтись никак нельзя. Комендант упилит себе в город, вопросы он, видите ли, там решает! Дефициты из райторга себе и начальству выпрашивает, матросов за это им на работы посылает. А я целый день, хоть разорвись. А как вечер, Пенкину сеть в руки и марш на рыбалку. Хоть бы раз бутылку спирта для согрева дали. Или когда дефициты в военторге делят, спросили бы меня: Слава, может и тебе, что ни будь надо? Магнитофончик может какой, пояпонистей? Да и кто я для них такой - старлей вонючий!

- Слава, - не удержался я от вопроса, хотя слушать о его горестях было необыкновенно интересно и приятно, - почему, когда говорят о старших лейтенантах всегда употребляют приставку "вонючий"?

- А как же, - с готовностью просветил он меня, - старлей, у нас, всегда вонючий. Лейтенант - зеленый, прапорщик - сраный, капитан - паршивый. А майор... Как же майор...? - задумался он, - А! О! Да! Майор - или "целый", или придурочный, как наш комендант. Подполковник - вшивый. Они всегда вшивые, подполковники-то. А полковник - припадочный. Генералы, может как-то называют друг друга, не знаю, врать не буду, а солдат и матросов никак не называют, их ведь куда ни целуй - везде ж...па.

- Вот после трех месяцев такой жизни, - вернулся Пенкин к большому вопросу, я и сорвался. Да и то посудить, жена уже, поди, забыла, как я выгляжу. В том, что жена Пенкина, известная на весь городок потаскушка, забыла его внешний вид, рыбалка играла второстепенную роль. Я сам не раз видел, как она, раненько утром, выходила то из одной, то из другой комнаты офицерского общежития. Да и дивизионные начальники частенько пользовались ее услугами. Возможно, часть рыбалок на ее совести.

Одно время по гарнизону ходила байка, как помощник Пенкина, прапорщик Парфенов, жене его, Ирке, получку передавал. Получив ежемесячное, как финансисты говорили, денежное довольствие, и, как всегда, торопясь на очередную рыбалку, Пенкин попросил Парфенова передать свою получку жене. Тот, обычно ленивый, как сто дембелей, неожиданно легко согласился, даже не выговорив себе, при этом, никаких льгот и привилегий.

Дождавшись когда комендантский "Уазик", нагруженный рыболовными снастями, скрылся за поворотом, Петя Парфенов поспешил исполнить возложенное на него поручение. Длинноногая, с простеньким лицом, Ирка встретила неожиданного гостя в домашнем халате. Петр, войдя в комнату, не спешил выполнить поручение. Он с восхищением и неподдельным интересом оглядел стройную фигурку хозяйки квартиры:

- Ир, - начал он, - говорят ножки у тебя - высший класс. Вот бы, посмотреть!

- Чего захотел! - Ирина была польщена, - Что это ты надумал?

- Нет, правда, - вдруг стал галантным и щедрым, обычно прижимистый прапорщик, - клянусь, четвертака бы не пожалел, - он полез в нагрудный карман и, к удивлению Ирины, положил на стол двадцать пять рублей, - лишь бы на ножки твои посмотреть.

- Что ж, смотри, - недолго колебалась Ирка. Она, схватив деньги, задрала полы халата даже несколько выше, чем рассчитывал галантный прапорщик, и явила его взору длинные, с блестящими бедрами и слегка искривленными икрами ноги.

- Ну, а поцеловать? - гость сглотнул набежавшую слюну, - Полтинника не пожалею. Повторилась сцена смены владельца пятидесятирублевой банкноты и награды за щедрость.

Запросы гостя повышались, повышались и цены за их удовлетворение. Наконец совсем обезумевший от страсти прапорщик выложил все деньги из кармана и был сполна вознагражден за свою щедрость и настойчивость.

Ирина, пересчитав, после его ухода деньги, даже не удивилась точному их соответствию мужниной получке, а только с радостью ожидала, с приходом мужа, удвоения наличного капитала. Пенкин пришедший, под утро, вытирая свежесмытое лицо, спросил жену:

- Петька получку приносил?

- Приносил, - протянула вмиг разочарованная Ирка.

- Все пятьсот тридцать?

- Все, - ответила она, и глаза ее сузились до кошачьих щелок.

Эту историю так никто бы и не узнал, если бы Петр умел, и по пьянке, держать язык за зубами.

Пенкин продолжал описание тяжкого бытия своего:

- Прибежал домой, переоделся и на рыбалку. Утром заскочил, побрился-помылся и на службу. Редко когда удастся час-другой поспать. А на службе, особенно у нас в комендатуре, внешний вид должен быть образцовый. Я утром Лепикову, коменданту нашему, мешок рыбы отдаю, а он, гадюка, спрашивает: "Пенкин", - говорит он, - Пенкин, что это у тебя глаза какие-то, вроде как красные? Ты, смотри, в комендатуре служишь, не где ни будь!". Какие же должны у меня глаза быть, после третьей бессонной ночи? И жена его, тоже паскуда, - тут он перешел на тоненький голосок.

- Пенкин, что это таймени мелковаты? А что я ей, тайменей-то, крупнее, чем генералу отдавать должен?

- К генералу друг приезжал, доцент какой-то из Москвы. Так я пару шершавых, осетров, то есть, кил по двадцать, припер. Доцент, на радостях, даже обнял меня. А наш-то, генерал, по плечу меня похлопал и говорит: "Молодец, Пенкин! Я,- говорит, - отблагодарю тебя". Вот она, благодарность! - он на минуту замолк, как будто повторил про себя последние слова.

- И вот так, веришь, почти три месяца, - продолжил он, - Ну, однажды я не выдержал. После особо тяжелой рыбалки я принял на грудь грамм шестьсот. Оделся, как положено. А часов около девяти, принялся плясать перед штабом дивизии. В аккурат, все начальство собралось. Ну, мне генерал и влындил на всю катушку. Бунт, так сказать, подавил. Пятнадцать суток "за приведение себя в нетрезвое состояние" и пятнадцать суток "за появление в общественном месте в нетрезвом виде". Хотел дать еще пятнадцать суток "за пьянство в служебное время", да начальник штаба вспомнил, что через месяц кета пойдет. Тем и ограничились. А ты говоришь больше пятнадцати суток дать нельзя. Если бы не кета, сидеть бы мне еще месяц как миленькому. Васьков, гнида, и словом не обмолвился, что бы меня защитить, "должник" хренов!

- Да, - согласился я с ним, - а я тут со своими тремя сутками, как с писаной торбой ношусь.

- Это еще что! "Губа" дело десятое. Хоть выспался здесь. Иногда, Ирина, жена моя, - безо всякой необходимости пояснил он, - что ни будь на ужин, из дома приносит. Гауптвахта это ерунда. Мне генералом все равно не бывать. Одно обидно, три года мне оставалось на востоке прослужить. Тут и год за полтора, и льготный район, за десять лет службы, может быть, и перевели бы меня в Крым. Семь лет-то я здесь уже отслужил.

- затынул он опять свою печальную песню, - а теперь, генерал сказал: "Будешь, ты Пенкин, до дембеля на Дальнем Востоке служить". В не льготный район, говорит, переведу.

- Слава, - прервал я его тягостные мысли, - а ты завтра с утра напиши генералу покаянный рапорт. Так, мол, и так, весьма сожалею о случившемся, сорвался, ошибочка, значит вышла. Впредь обязуюсь... И так далее.

- Да, нет, нашего этим не прошибешь. Еще больше разозлится.

- Э, брось ты! Генералу-то, что нужно. Бунт подавить, да что бы ты покался. На словах - то оно, вроде как в одно ухо влетело, а в другое вылетело. А когда на бумаге, на бумаге это дело другое. Он ее всегда другому смутьяну показать сможет. Да и тебя, если надо будет, рапортом твоим посрамотит. А тебя простит, вот увидишь, простит. Ну, повыпендривается маленько, дескать, "-

Пенкин, я тебя не вызывал, я, - скажет, и видеть тебя не хочу!",- и все такое, а потом простит. Честно тебе говорю, простит.

- Я и писать-то не знаю как. Не мастак я бумаги писать.

- Не переживай, Слава, я помогу. Вместе мы его победим. Вот с утра и начнем. Утром, после завтрака, Пенкин прокрался в свой собственный кабинет и притащил стопку сероватой писчей бумаги. Я, как главный консультант по раскаяниям, заложив руки за спину, расхаживал по камере туда и сюда и медленно диктовал:

- Пиши, - командовал я, - "Товарищ генерал-майор авиации!", они всегда любят, когда их титул полностью приводят, - пояснил я. - А теперь с новой строки: "Обращается к Вам, старший лейтенант Пенкин, чье недостойное поведение вы справедливо осудили и правильно наказали. Нет слов, что бы в полной мере оценить мерзость моего поступка..."

- Не слишком ли сильно сказано: "...мерзость моего поступка"? Вдруг еще больше добавит? - усомнился прощения взыскующий.

- Будь спок! - мой училищный опыт подсказывал, что пересолить в этом деле невозможно, - запомни, любой начальник, когда тебя выпорет, впоследствии сожалеет, что не все тебе высказал, ну, все равно, как Остап Бендер испытывал запоздалое сожаление, что не дал извозчику еще и по шее.

Слава никак не отреагировал на этот пример, и я понял, что он принял Остапа за какого-то моего знакомого.

- Пиши дальше, - командовал я, - "... мерзость моего поступка. Пьянство - тяжкое нарушение воинской дисциплины, а приведение себя в нетрезвое состояние путем распития спиртных напитков в служебное время не может быть ничем оправдано. Искренне раскаиваясь в содеянном злодеянии, я обещаю никогда впредь не злоупотреблять спиртными напитками и стать, как прежде, образцом выполнения как воинского, так и служебного долга..."

- А когда это я был образцом? - вдруг засомневался, не в меру правдивый Слава.

- Слушай, кто из нас хочет в Крым, ты или я? Пиши, тебе говорят. Откуда он помнит, был ты образцом или нет, для него главное, что ты обещаешь им быть. Значит так: "...служебного долга. При малейшем, в будущем, нарушении воинской дисциплины с моей стороны, накажите еще строже, чем в этот раз". - Пиши с новой строки,

- "Товарищ генерал, прошу Вас строго, вплоть до снижения в воинском звании и снятия с занимаемой должности, наказать меня, но дать мне возможность продолжить службу под Вашим командованием". А раз он будет служить здесь, то и ты останешься в льготном районе.

- Ну, голова! - восхитился приободрившийся Пенкин, - если прокатит, с меня ящик водки и таймень, кил на двадцать.

- Да, ты начальство лучше рыбой снабжай. Я холостяк, и водкой обойдусь. Парфенов, уже свикшийся с ролью почтальона при Пенкине, понес рапорт своего начальника в штаб дивизии. До обеда наша дружба крепла с каждой минутой, так как каждую минуту он высказывал различные сомнения по поводу успешности нашего замысла. В мои обязанности входило убеждать его в реальности прощения.

- Слава, - в который раз, вальяжно, повторял я, - у вас с ним разные весовые категории. Ему с тобой возиться некогда, попугал и будет. Пол месяца прошло и, если о себе не напомнить, все так и останется. Думаешь, он помнит, как ты

там выкобенивался перед штабом? Подумаешь, Пенкин перед штабом плясал! Ну и поплясал. Так за это он и понес справедливое наказание.

- Ага! - по-прежнему барахтался в лапах сомнения Пенкин, - А документы-то на перевод в Приморье, наверное, уже готовы. И он никогда не изменит своего решения.

- Не спорю, он хозяин своего слова. Захотел, - дал, захотел - забрал, - упорствовал я. - Ты ведь знаешь, как готовят у нас документы. Месяцами.

- Когда ему надо, через час будут готовы.

- А ты подумай, надо ли ему? Кто будет Владивостокский двор рыбой снабжать?

- Другого назначат.

- Ну, пока другой в курс дела войдет, ход кеты окончится.

- И то верно, - Пенкин, вроде бы, успокоился, - твоими бы устами...

Его нервозность возрастала. За обедом он дважды выругал караульного, но съесть так ничего и не смог. К четырем часам из штаба дивизии пришел комендант. Он вызвал Славу к себе. Через десять минут тот вернулся. Глаза его сияли:

- Простил! Ты, понял, простил! Когда рапорт читал, дважды хмыкнул, ну, где про "...мерзость поступка.." и про службу под его командованием говорится. Комендант рассказал. Говорит, так и быть, пусть служит здесь. Отсидит сколько ему назначено, и пусть служит. Срок не скостил, а документы на перевод завернул. Но, сказал, до первого нарушения. Чуть что, и загремит, мол, в Приморье.

- Ну, вот видишь, - полез я к нему с поздравлениями, - я же тебе говорил...

- А почему это вы, ко мне на "ты" обращаетесь? - мой друг по заключению, несмотря на переполнявшую его радость, неожиданно стал холодно-официален.

- Я с вами, товарищ лейтенант, коров не пас, - повысил он голос, - И, вообще, что здесь за бардак творится?

- Почему вы на койке сидите? - не унимался он, - Почему вместо устава какие-то журналы читаете? - он швырнул на пол собственный "Огонек",

- Вы что хотите, что бы вам за нарушение режима ареста срок увеличили? Мой оживший товарищ, с места в карьер, возобновил, образцовое исполнение своего служебного долга.

Я быстро вспомнил, где и с кем я нахожусь. Встал, застегнул китель, поправил постель, выбросил "Огонек" Пенкина в урну, достал с полки Устав внутренней службы и погрузился в его изучение. Мне оставалось здесь только переночевать. Пенкин носился по двору гауптвахты, наводя везде уставной порядок. Он заставил караульных выкрасить сторожевую вышку. Провел "шмон" в камерах для солдат и сержантов. Найдя в кармане у одного бедолаги смятую сигарету и две спички, добавил ему пять суток. С остальными, после ужина, он занимался строевой подготовкой до самого отбоя. По результатам строевых занятий еще два матроса отсрочили свое освобождение на пять суток. А так как один из них, что-то при этом пробурчал, дата его возвращения в родную казарму вообще становилась туманным и абстрактным понятием.

Перед сном я вспоминал его исповедь. Особенно одно место, где он сетовал на отсутствие человеческой благодарности. Кажется, он так и сказал: "Вот она благодарность!", или как-то похоже. И уже совсем засыпая, подумал, такие ли уж у Ирки блестящие бедра и длинные ноги? Может пойти, проверить? Тем более что ему еще две недели сидеть. А там, глядишь, и ход кеты начнется.

19.03.08 А.А. Шипицын

Вот, это была охота!

- А полковые наши, полковые-то, что учудили! - Коля Белошвейкин, молодой командир экипажа, охотник со стажем, завладел вниманием, еще не отсмеявшейся от предыдущей истории, компании, - Я про то, как управленцы берлогу купили, - призвал он в свидетели Серегу Дьяченко, который, зная о чем пойдет речь, в предвкушении удовольствия, крутил головой.

- Они, управление, то есть, - продолжил приободренный Коля,- нач-хим, физрук, секретарь парткома и кто-то из штурманов, под руководством зама по летной подготовке, как-то понарассказывали друг другу, какие они ушлые и дошлые охотники. Вот и решили они, по пьяни, доказать это на деле. Купили они, за триста рублей, у ороча медвежью берлогу. Бешкин, штурман полка рассказывал. Привел их это, ороч к берлоге. Показал все, как есть, деньги забрал и ушел. Стоят они возле

берлоги и рассуждают, что, дальше делать? На медведя-то все они впервые, если кто из них рябчика, когда подстрелил, тот и был среди них самым опытным.

- Начхим, Пал Палыч, самый деловой, предложил, по рюмашке ахнуть, потом видно будет. Оно и для храбрости не помешает. Всех, говорит, такой охотничий азарт тряс, еле водкой в стаканы попадали. Какой там азарт, хорошо, что в штаны себе не наложили. Как по стаканчику, другому пропустили, тряска прошла. Закусили, еще выпили. Осмелели, и давай в берлогу бутылки кидать. Никакого эффекта. Кто-то предположил, а, может, медведя там вовсе нет. Или сдох давно. Сгрудились вокруг берлоги, ружья, конечно, возле выпивки забыли. Бешкин кол какой-то притащил, да в берлогу-то его и кинул. Тут медведь с ревом и поднялся. Они по тайге врассыпную. Бежали, только треск стоял. Да потом орочу еще сто рублей дали, что бы он ружья оттуда принес.

Мы долго смеялись, представив себе картину как, наши начальники, побросав оружие и снаряжение, с воплями несутся по зимнему лесу. А ороч, нагруженный всем этим добром, доставляет его в гарнизон. Нас, пятерых холостяков, курящих возле офицерского общежития в субботний вечер, и эта история здорово позабавила. Тем более, что мы успели после бани злоупотребить.

- Это еще что, - перехватил эстафету Серега Дьяченко, - вот Саша Титаренко рассказывал, как он в Белоруссии на кабанов охотился. Был он там, в отпуске, а белорусы офицеров, особенно летчиков, шибко уважали. Вот и пригласили они Сашу поохотиться на кабанов. Дали ему ружье, патроны и поставили на номер. Объяснили что, да как. А сами ушли кабанов загонять. Через некоторое время, то ли от вчерашнего угощения, то ли от волнения, прихватило Санька. Да так, что караул! Он ружье к дереву прислонил, штаны спустил, да и присел. А дружба, с соседнего номера, подкрался сзади и стволами по его заднице провел, да еще и хрюкнул. Санек рассказывает: "Я со спущенными штанами бегу, слышу смех сзади. Понимаю, что это не кабан, но ни остановиться, ни прекратить не могу".

И эту историю приняли с энтузиазмом. Трое из нашей компании уже успели послужить на Дальнем востоке по три-четыре года, и только мы со Стасом встретили нашу первую весну здесь, в этом таежном краю. Стоял тихий

майский вечер, и, хотя снег почти сошел, нам после бани и выпивки было тепло. Я, что бы внести свою лепту, вспомнил, как полярных куропаток ловят. Берут бутылку из-под шампанского, заливают в нее горячую воду и, этой бутылкой, делают в слежавшемся снегу наклонные лунки, стенки у них оплавляются, а потом замерзают. На дно этих лунок кидают пару ягод, ну, там, бруснички или клюквы, или просто кусочки красной тряпочки. Куропатка, заведя в этих лунках нечто ее заинтересовавшее, пытается до него добраться. Крылья ей приходится сложить, а лапки торчат вверх. Выбраться не может, так и замерзает.

Утром приходит охотник и, как морковку из грядки, куропаток из снега выдергивает.

Или как горностаев ловят. Берут ведро воды, выставляют на мороз. Вскоре вода по краям замерзает, и ведро вносят в помещение. В верхней части делают отверстие, сантиметра три в диаметре. Воду выливают, а в ловушку кладут кусочек мяса или рыбы. Когда, нашедший приманку, зверек забирается внутрь, его лапки скользят и выбраться наружу он не может.

Несмотря на мою неискушенность в охотничьих делах, эти примеры были тепло и одобрительно встречены авторитетами местной охоты. Саша Дьяченко, известный правдолюб, усомнился, в действительности предложенного способа охоты на горностаев, но так как никто здесь горностаев не видел, быстро успокоился. Воодушевленный одобрением слушателей я уже хотел, было, поведать слушателям классический пример ловли обезьян при помощи тыквы, но, имеющий больше опыта, а, следовательно, и прав на внимание присутствующих, Влад Севастьянов, перебил меня.

- Я прошлой осенью поехал собирать бруснику возле Уськи Ороченьской. Мне показали сопку, на которой брусники полным-полно. Действительно, ее там море, и крупная, что вишня. Но местные тетки, почему-то, косили ягоду внизу, у подножья. Я же поднялся выше. И, точно ягоды здесь было больше, да и крупнее чем внизу. А еще выше меня, за кустом шиповника, собирал бруснику мужик в коричневом пальто.

"Гляди, - сказал я ему, - здесь ягода и крупнее, да и больше ее тут". Мужик, что-то проворчал в ответ. А я спросил его: "Вы местный или приехали откуда?".

Опять он пробурчал, что-то непонятное. "Что-что?" - не понял я и выглянул из-за куста. В следующий момент, бросив ведро и грабарку, я несся вниз по склону с криком: "Бабы! Бегите! Медведь!!!". Они, почему-то, спокойно на это отреагировали:

"-Чего, орешь! - сказали, - Он всегда, там, пасется. А мы, здесь, собираем".

- Почему у прапорщика Анциферова кликуха такая странная: "Бдишь-бдишь"? -спросил я Дьяченко, - наверное, как-то с охотой связано? Видос у него, я бы сказал, бывалый.

- А он - из местных, вот и напускает на себя ушлый вид. На деле, балабон, и трех уток не подстрелил. А кличку он сам заработал. Рассказывает он, как-то. "Иду, - говорит, по лесу, с одностволкой, - еще подчеркнул, - с одностволкой. Тут, из под ног, выводок рябцов - фрррр! Я по ним - бдиш-бдиш...", и замолк, соображает, что что-то не то сказал. Тут ребята и спрашивают: "Как это "бдиш-бдиш", ты ж с одним стволом был?". С тех пор кличка к нему и прилипла.

- А вот, я, - после взрыва смеха, завладел вниманием общества Коля Белошвейкин, новоиспеченный командир экипажа, самый старший по возрасту, должности и званию среди нас, - зимой ходил на Дюанку. Речка такая, горная. - пояснил он, - Вокруг тишина, воздух, от мороза, как хрусталь, аж звенит. Не

успел в долину спуститься, как из-под ног, из-под снега, ну, прямо, взрыв какой-то. Шфыр-р-р! Я, естественно, шарах в сторону, "оно" в другую. Когда в себя пришел, вижу, рябец за ствол дерева прячется. Понял, что на выводок рябчиков напоролся. Думаю, раз не успел к речке спуститься и сразу на выводок напоролся, значит их тут полным-полно. Сколько потом не ходил, ни одного рябца не видел.

- Ха! - сказал Серега Дьяченко, второй штурман, из технарей переученный, а значит, бесперспективный, но охотник первоклассный - Тебе надо было с этого места не уходить. Они, рябцы, дальше двадцати метров не разлетаются. Я прошлым летом, на Тумнине, на острове, четырнадцать штук добыл. Весь выводок перебил. А им, перелететь на соседний остров, всего метров пятнадцать надо было. Но не перелетели. Остров, сто на двадцать метров был. До некоторых из них я на метр подходил? Непуганые. Я в одного, чуть стволы не упер. А как стрельнул, он взлетел и вверх. Не может быть, думаю, чтобы с такого расстояния промазал. И, точно, взлетел он метров на пять и упал. Поднимаю. Башка как бритвой срезана. Но вкусные, не передать! Вот это, была охота! Мы их, потом в углях запекли. Под водку, лучше не придумаешь!

- Эка! Открытие! Под водку, что хочешь, и жаба пойдет.

Все согласились с этим справедливым замечанием. Было ясно, такие разговоры, просто так окончиться не могут. И вот.

- Мужики! А не свалить ли нам поутру на охоту? - внес предложение Влад Севастьянов.

По возрасту, он был чуть моложе Белошвейкина. Как летчик даже лучше. У него и вид был, не нам с ним равняться. Высокий, сильный, решительный и опытный, мы по сравнению с ним - детвора. Говорят его одним из первых, из того выпуска, готовили на командира корабля. Был он когда-то женат. Но жена его, белокурая красавица, наставила ему рога, прямо у него на глазах.

Как-то, по пьянке, один из его друзей заявил ему:

- Ты, думаешь красотка твоя - твердыня неприступная. А хочешь, я ее на твоих глазах ...

Влад схватил приятеля за горло и поднес к своим глазам:

- Если ты, гандон, еще слово вякнешь... Убью!

- Ты, что, Влад? Не знаешь, что ли? - прохрипел тот, - Маричка с половиной общаги переспала. Как ты на полеты, она свободного офицера тут же находит. Хочешь, сам увидеть?

Влад ослабил хватку.

- Хочу!

- Давай, так. Ты уходишь, ну скажем, в наряд. А сам прячешься у меня в кладовке. Через десять минут я привожу ее к себе. Ну, ты сам и увидишь.

Все так и произошло. Как Владу хватило сил не выйти из кладовки в самый тяжелый, для него момент, этого не знает никто. Но избил он свою жену зверски. Она даже слегка крышей поехала. С тех пор они жили порознь, развелись. Это, однако, не мешало ему, когда уж больно хотелось, провести с ней ночь. А утром он уходил не прощаясь.

- Не свалить ли нам с утра пораньше, на охоту? - повторил Влад.

- Это как же, чуть свет не срамши? - вдруг поинтересовался, до сих пор молчавший пьяненький Стас.

- Ну, да. Ружья у всех есть, патроны - тоже. Встанем часа в два ночи и до обеда пошарахаемся по тайге. Завтра - воскресенье. Подстрелим что-нибудь, поджарим, или сварим. Винца попьем, побалдеем как падлы. А?

Выяснилось, что ружья есть у всех, кроме меня.

- Ты у Фариды возьми, - посоветовал Серега Дьяченко, - он, все равно, с понедельника уезжает в отпуск. Возьми бутылку коньяка и зайди к нему. У него в комнате сейчас, как раз отвальная.

Идти в магазин было уже поздно. Я взял со стола, в нашей комнате недопитую бутылку. Из остатков трапезы соорудил пару бутербродов, обрезал, укушенную Стасом, колбасу и с этими дарами отправился на третий этаж в комнату Фариды.

Не скажу, чтобы мы со Стасом были какими-то рафинированными чистюлями, но то, что я увидел в комнате у Фариды, превосходило все мои представления об исключительном бардаке. Под пепельницы использовалось все, что могло вместить в себя хотя бы комок пепла величиной с горошину. Остатками пиршества побрезговали бы даже самые болезнетворные бактерии.

Говорят, как-то собрались выпить и закусить пехотинец, моряк и летчик. Пехотинец в мгновение ока съел и выпил свою долю:

- У нас в пехоте, кто первый поел, - тот не убирает!

- А у нас во флоте, - не отставал от него моряк, - такое правило, кто последний ест, - тот и убирает!

Летчик, спокойно, не спеша, выпил, закусил, еще раз выпил, еще закусил и заметил:

- А у нас в авиации, кому нужно, тот и убирает.

С первого взгляда было ясно, что именно эта комната послужила поводом для анекдота, и чувствовалось, что никакой необходимости в уборке ни один из ее обитателей не испытывал. За столом сидел Фарид, и, скорее классически лежал в тарелке, его штурман Витька Синельников. Последний, прославился тем, что, провоевав два года в Египте, пропил там, а потом и в отпуске дома, две "Волги". Остальные члены экипажа и приглашенные на отвальную, благополучно и своевременно убрались восвояси.

Фарид, уже засыпал, но очень обрадовался моему приходу.

- Сашка..., - сказал он, косясь на мое подношение, - Сашка, зараза... Ты, это..., чего раньше не зашел? - и уж совсем для меня неожиданно, - Мы тебя, гада, так ждали... так ждали.

- Фарид, - растроганно ответил я, наливая коньяк в грязнейшие разнокалиберные стаканы, игнорируя присутствие спящего Витьки, - Фарид, я только что узнал, что ты идешь в отпуск. Дай, думаю, зайду, пожелаю доброй дороги.

- Давай выпьем, за мой удачный отпуск, - предложил Фарид, а когда мы выпили и закусили, я плавно перешел к цели моего визита.

- Шура! Нет проблем! - заявил он и достал из шкафа двустволку-безкурковку в черном чехле из кирзы, заполненный патронами шестнадцатого калибра патронташ, и, даже был настолько любезен, что собственноручно повесил мне на пояс свой огромный охотничий нож.

Было почти двенадцать часов, когда я, допив с Фаридом коньяк, и, выслушав его заверения в вечной дружбе и уважении, пришел в свою комнату и завалился спать. Стас уже давно мирно посапывал. Надоедливые, мерзкие звуки вторгались в мое существо. Вначале что-то, то ли дребезжало, то ли звенело. Потом бесконечно долго плескала вода. Вскоре вода полилась мне на лицо и за шиворот.

- Ты что, охламон, делаешь? - подскочив на постели, спросил я Стаса.

Он, спокойно вылив воду из стакана на мою голову, ответил:

- Уже десять минут третьего. Пора вставать.
- Совсем очумел, что ли?! Завтра, то есть, сегодня, воскресенье...
- Именно поэтому.

Мой взгляд упал на сваленное в углу охотничье снаряжение.

- А-а..., - начало доходить до меня.
- Б-эээ, - протянул он, - поторапливайся, Все уже собрались у Колюни.

Через пять минут мы, вечерняя компания, пили в Колиной комнате чай заваренный на каких-то чудодейственных дальневосточных кореньях. Любезный хозяин выделил каждому по печенью и галете. Если бы я мог предвидеть, как окончится сегодняшний день, возможно, я бы с меньшим отвращением, грыз сухую галету. Еще через пять минут наша группа шагала по спящему гарнизону.

Сразу же за школой начиналась тайга. Небо начало сереть, но под ногами невозможно было ничего рассмотреть. Толстые корни лиственниц, разбросанные там и сям, издавали глухие стуки при соприкосновении с нашей обувью. Мы, не оставаясь беззвучными, издавали междометия при этих столкновениях, и чаще всего вырывалось "Тьфу! Бл...!", или что-то похожее.

Влад предупредил:

- Впереди ручей, повнимательней там!

Он не останавливаясь, решительно вошел в воду. Я еще подумал: "Может по бревнышкам перейти?". Но ничего не было видно и все так лихо форсировали водную преграду, что негоже было мне искать легких путей. Я смело шагнул в ледяную воду. Вода, сразу же проникла в ботинки и поднялась выше щиколоток.

- Сань, что это у тебя сапоги, как-то непонятно чвакают? - спросил идущий передо мной Дьяченко. - Прохудились, что ли?

- Какие сапоги? Разве вы не в ботинках?

- Какие ботинки? Здесь километра не пройдешь, чтобы пять раз в воду не попасть. В ночной тишине отчетливо прозвучал вздох Влада. Оказалось, что все, кроме меня, даже Стас, в охотничьих, резиновых сапогах. Очевидно, пока я желал Фариду приятного отпуска, он взял их у кого-то взаймы.

- Да, ладно, высохнут, как ни будь.

И, точно, через десять минут быстрой ходьбы, ступни согрелись и стали гореть. Следующее попадание в ледяную ванну уже не было для меня неожиданным и, как ни странно, принесло даже приятное ощущение. В последствии я перестал обращать на это внимание и только удивлялся крепости моих военных ботинок. Кстати, должен заметить, когда ботинки высохали, идти в них по неровностям таежного грунта было намного удобнее, чем в сапогах.

Небо, на северо-востоке немного посерев, порозовело. Запах просыпающейся тайги был великолепен и ни с чем не сравним. Трудно было идентифицировать его с каким либо одним растением. Я, впоследствии, специально срывал веточки брусники и, даже кусочки мха и, нюхая их, пытался определить, какое растение из них ответственно за этот аромат. Все они пахли по-разному восхитительно, но непохоже на тот букет запахов, который царил под кронами лиственниц. Этот запах, чистота воздуха и быстрое движение в пол часа изгнали то легкое, но ощутимое, похмелье, которое еще оставалось в нас. Край солнца, появившийся из-за, невидимого нам, Сахалина, облил окружающие сопки нежным клюквенным светом.

Было поразительно наблюдать как в соответствии с движением солнца, на глазах менялись цвета и оттенки покрытых тайгой сопки. Под нашими ногами,

сверкающим ятаганом изгибался Тумнин, река суровая, холодная, каждый год требующая себе человеческих жертвоприношений. Во всех его протоках просыпалась и журчала жизнь. Ручей Каменный, берущий истоки где-то в болотце возле аэродрома и пересекающий весь гарнизон, очистившись от скверны людской в пути по тайге, сыпал маленьким водопадом серебряную дань в ладони своего сеньора Тумнина. Тот, бесстрастно принимая ее, от вассалов своих катил эти богатства в Татарский пролив. Там, за ослепительно-белой стеной клубящегося все лето тумана, происходило таинство смешения вод.

Несмотря на теплую для этих мест погоду, в затененных ложках остался снег. Он не был похож на те серые и ноздреватые массы, хранящиеся в тени заборов и зданий. Удивительно правильной формы, кубики и параллелепипеды снега сохранили под сенью пихт зимнюю чистоту и испускали голубоватое сияние. Даже несклонный к лирике Стас, завидев такое чудо, указал мне на него:

- Гляди, как маленький холодильник.

Мы остановились передохнуть перед спуском к реке. Два бурундука сновали вверх и вниз по молодой лиственнице.

- Пережили зиму, - кивнул в их сторону Саша Дьяченко, - значит, медведей поблизости нет. Для бурундука нет худшего врага, чем косолапый. Мало того, что он разоряет их кладовочки, так, по весне, он их ловит и ест.

- Как это медведь может поймать бурундука?

- А очень просто. Весной у бурундуков, как и у всех, когда щепка на щепку лезет, гон начинается. Так у них самка начинает пищать, а самец на писк прибегает. Медведь ложится на спину, лапы раскинет и пищит, как самка. Бурундук прибегает и начинает по медведю бегать, подружку ищет. Как на лапу медведю попадет, тот хват бурундука и в пасть. Потом опять лежит и пищит. Еще, говорят, если медведь все кладовочки у бурундука разорит, тот кончает жизнь самоубийством. Разбегается и прыгает головой в рогульку, шея у бурундучка ломается и ему припасы уже больше не нужны. Как они это делают, я не видал, но, висевшего в рогулке бурундука, встречал. Кстати, висит он так недолго, вороны, хорьки и соболи быстро убирают его с глаз долой.

- В прошлом году, на Сахалине, прапора бурундуков ловили, - добавил свою крупицу познаний Коля Белошвейкин, - Так они его за лапку веревочкой привяжут, и он по ним под одеждой бегаёт. Через два-три дня веревку снимают, а бурундук не уходит. По карманам лазит, сухарики, семечки ищет.

- Хорош, сухарики-семечки! - прервал наш бурундучий семинар Влад, - Пошли дальше.

Мы спустились в долину реки и, не успев пройти ста шагов, услышали свист и увидели, как из зарослей травы в воздух взмыли две птицы с длинными тонкими клювами. Влад отреагировал мгновенно. Мы еще понять ничего не успели, как он дважды выстрелил. Первый кроншпиль, еще только падал, а Влад уже и второго сбил. Дикое возбуждение и суэта охватили нас всех. До сих пор понять не могу, как, лежащее на моей руке ружье, выстрелило Владу под ноги. Он подпрыгнул:

- Ты, куда стреляешь!? - закричал он, - Подними стволы!

Рука моя не касалась спусковых крючков.

- Да я и не думал стрелять, видишь, ружье на руке лежит, - начал оправдываться я, но тут ружье само по себе второй раз бухнуло, и опять под ноги Владу.

- Убери ты его на..., подальше от греха! Вот они, безкурковки твои, - повернулся он к Дьяченко, - нет-нет, да и бабахнет. Ладно, Санек, - успокоил он меня. - Ты ружье заряжай, только когда дичь увидишь. И то, если в секторе стрельбы никого не будет.

Понял?

- Чего ж тут непонятного. Как только Фарид с ним охотится? Слышь, Коль! - обратился я к Белошвейкину, - А мы вообще, на кого охотиться идем?

- Как увидишь что, больше кулака, так и стреляй.

Мы прошли вдоль берега реки километра два. Колины галеты и печенье давно растворились и желудки уже начинали давать о себе знать. Было почти семь утра, а так как мы ничего питательного с собой не взяли, я стал прикидывать, сколько еще придется терпеть. Получалось еще часов семь, не меньше. Влад остановился и наполеоновским жестом указал на нечто, по моему непросвещенному мнению, похожее на заросшую лесом балку.

- Вот по этому распадку, - назвал он, по дальневосточному то, что я, принял за обычную балку, - мы, с Дьяком и Колей, поднимемся вправо. Вы же со Стасом, обойдете слева. Вдруг кабарга выскочит, или глухаря поднимем.

Я, перезарядил ружье и, под взглядом Влада, поднял стволы вверх. Так мы со Стасом и ушли. Больше, в этот день, мы своих друзей не видели. Часа два мы ползли по гребню распадка вверх, все больше и больше забирая влево. Ничего живого, что можно было бы назвать дичью, мы не встретили. Где-то вдалеке, изредка, слышались выстрелы. Мы со Стасом орали до хрипоты. А когда, для привлечения внимания, сами стали стрелять вверх, сторонние выстрелы и вовсе прекратились.

Откуда-то, с запада, потянуло дымом. Но не так как тянет от костра, или жилища, отапливаемого дровами. Несло гарью и дымом горящей в больших количествах прошлогодней травы. Охотничий инстинкт Стаса снова проснулся:

- Где-то в тайге пожар. Тянет в нашу сторону. Сейчас дичь на нас побежит. Готовься!

- Да я и так почти готов, - вложил я в свой ответ двойной смысл, - Ноги отваливаются, и жрать по бешеному хочется. Солнце, вон, встало выше ели, время с...ть, а мы не ели. - Я привел в качестве доказательства, стихотворную поговорку, бытующую в наших кругах.

- Ничего, - успокоил он меня, - до ужина потерпишь.

- Как до ужина? - ужаснулся я, Стасу легко говорить, при его мизерных размерах, потребность в пище у него тоже была минимальная. - Влад ведь говорил, только до обеда.

- А ты, прикинь, сколько отсюда топать обратно. Раньше трех домой не попадем, а столовая в это время уже закрыта. Так что про "ням-ням", раньше шести и не думай.

Так же сильно, как есть, вдруг, захотелось пить. Как назло, после того, что весь день только и делал, что форсировал водные преграды, здесь наверху не оказалось ни одного ручья.

- Гляди сюда, - Стас приподнял пихтовую лапку.

Под пихтой оказался один из маленьких Стасовых "холодильничков", белоснежный

брикет сохранившегося снега, испускающего голубоватое сияние. Мы запустили руки в его прохладные глубины. К моему удивлению, в горсти ледяных кристаллов, оказались рубиново красные ягоды брусники. Она прекрасно сохранилась с осени. Тугие ягоды наполнили рот горьковато-

сладким соком вперемежку со льдом. Жажда отступила, но приступы аппетита продолжали терзать пустые желудки. Горящие ступни ног ныли и требовали отдыха.

Мы оставили надежду на удачную охоту и, выбрав бугорок посуше, растянулись на высоко поднявшемся солнышке. Выкурив по "Беломорине", мы минут десять лежали молча, прислушиваясь, не раздадутся ли выстрелы или крики наших друзей. Было тихо, пахло дымом и гарью и ни один зверек, величиной больше кулака, не появлялся в нашем поле зрения. Спина и пятые точки, которыми мы опирались о бугорок, начали отсыревать.

Кто не знал Стаса, мог предположить, что, отдохнув, мы, отправились домой. Как бы не так. Еще добрых часа два он гонял меня по всем чащобам и кустам, в надежде, что так я выгоню на него зверя или птицу. Возможно даже, что он рассчитывал, что на меня позарится, оголодавший медведь. И он, прохвост, героически убьет двух зайцев, и меня, возможно, спасет от неминуемой смерти, и реализует шанс убить медведя. Только когда он сам, уже с трудом, передвигал ноги, мы, ориентируясь больше по странам света, чем по местным признакам, повернули домой.

Практически сразу мы попали в местность изобилующую ручьями. Теперь, когда пить совсем не хотелось, воды стало больше чем нужно. Механически передвигая ноги, я задавал себе вопрос: что мне хочется больше, есть или спать. Моментами казалось, что есть, и тогда желудок сворачивался в баранку. Когда же казалось, что спать, глаза искали сухое место, что бы упасть и уснуть.

Часам к пяти, когда солнце уже склонялось ближе к западу, мы вышли на тропу, ведущую прямо в гарнизон. Казалось, все вопросы разрешились сами собой. Мы приходим в общежитие, моемся, приводим себя в порядок, к шести, то есть к открытию столовой, идем на ужин, а потом спать, спать и только спать. Дававший о себе знать всю охоту, дымок, в гарнизоне стал еще гуще. Со скоростью голодной черепахи мы приближались к заветной двери нашей родной общаги. Не хватало сил даже на то, что бы обратить внимание на царившую в гарнизоне суматоху. Но сердце мое болезненно сжалось, когда я увидел бегущих к общежитию матросов-посыльных с карточками оповещения в руках.

Поднимаясь к себе, я из последних сил надеялся, что меня минует чаша сия. Но, стучащий в дверь нашей комнаты, посыльный обратил мои надежды в прах. Когда я подползал к комнате, посыльный повернулся ко мне:

- Вы не подскажете, где я могу увидеть лейтенанта Никишина? Стучу, стучу, - никто не открывает.

- Я, я лейтенант Никишин, - мне казалось, что я разрыдаюсь, - что там случилось?

- Тревога, товарищ лейтенант. Приказано без оружия явиться на аэродром. Тайга близ самолетов горит.

- Понял, иду. - ответил я содрогаясь от невидимых миру рыданий.

Путь на аэродром пролегал мимо столовой, но открыть ее на ужин должны были только через пол часа. На стоянке автобусов был только начальник штаба нашей эскадрильи. Он обрадовался, увидев меня:

- Никишин, автобусов не будет, - только сейчас я увидел длиннющую, исчезающую за горизонтом вереницу офицеров и прапорщиков, спешащих на аэродром, - так что дуй на стоянку пешком.

До стоянки было не более трех километров, которые в обычный день, я проходил с удовольствием. Но сегодня, это расстояние, для меня, было "как

бычкам до Сингапура", практически непреодолимым. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил себя на стоянке, закрепленного за нашим экипажем, самолета. Для меня до сих пор загадка, как я преодолел эти три километра?

Низовой пал, создающий больше дыма, чем огня, злодействовал далеко от наших стоянок. Никто не знал, что делать. Основная часть личного состава, по воскресному делу, за обедом, или в гаражах, маленько хватили и весело обсуждали пожар, прошлые полеты, или просто трепались, так, ни о чем. Я зашел за контейнер и присел на сваленные там самолетные чехлы. Заснуть мне не удавалось, но сквозь дрему я не раз слышал осуждающее:

- Гляди, как надрался!

У меня не было сил даже возразить. Продержали нас на аэродроме ровно до восьми часов, когда столовая уже давно была закрыта, и подали один единственный автобус. Забыв о стертых ногах, голоде и усталости я несся к автобусу впереди всех. Одна только мысль, что придется пройти еще и эти три километра до гарнизона, несла меня к автобусу на крыльях. Очевидно такая же мысль гнала и других. В дверях автобуса образовалась свалка. Нечеловеческим усилием я прорвался внутрь. Возле двери слышались призывные крики:

- Офицеры, не теряйте облика!

И тут же, под хохот, ответ:

- Кто облик потерял? Чей облик под ногами валяется?

Все наши охотники сидели в комнате у Саши Дьяченко. Они пришли в гарнизон на час позже меня, узнали о тревоге, позвонили в штаб и им сказали, что тревога скоро кончится, и идти на аэродром, теперь уже нет смысла. Саша подстрелил трех рябчиков. Ощипав и выпотрошив, их уже пол часа варили в чайнике, засунув туда кипятильник. Я не стал дожидаться начала пиршества и пошел спать.

Великая сила молодость. В понедельник утром, я, чувствуя только легкую боль в икрах, бодро шагал в летную столовую. Галчонок, старшая официантка смены, ростом и весом превосходящая уланского ротмистра, только подивилась когда я, доедая вторую порцию, попросил добавку.

- Видно, хорошая деваха тебе попалась вчера, раз наесться не можешь.

Я что-то пробурчал в ответ, съел все и довольный вышел на крыльцо столовой. Ключья тумана, вчера стоявшего над проливом, неслись уже над самым краем взлетной полосы. Что ж, полетов сегодня не будет. Может оно и к лучшему. Еще налетаемся.